

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Русские заветные сказки (для взрослых)

Два брата-жениха

Жил-был мужик. У него было два сына, парни большие. Стал старик со старухою советоваться:

— Какого бы сына оженить нам — Грицька или Лавра?

— Женим старшего, — сказала старуха. И стали они сватать за Лавра и сосватали ему невесту на самую масленицу в другой деревне. Дождались святой недели, отпраздновали масленицу. Вот и собирается Лавр вместе с братом Грицьком ехать к невесте. Собрались, запрягли пару лошадей, сели на повозку: Лавр, как жених, за барина, а Гринько за кучера — и поехали в гости. Только выехали за деревню, как Лавру захотелось уже срать, так налупился блинов!

— Брат Грицько! — говорит он, — останови лошадей.

— Зачем?

— Посрать хочу.

— Экой ты дурак! Ужели ты станешь на своей земле срать? Потерпи маленько, съедем на чужое поле — там вали хоть во все брюхо!

Нечего делать, понатужился Лавр, терпит — аж в жар его бросает и пот прошибает. Вот и чужое поле.

— Ну, братец, — говорит Лавр, — сделай такую милость, останови лошадей, а то невтерпеж, до смерти хочу срать! А Грицько в ответ:

— Экой ты глупый! С тобой пропадёшь, отчего не сказал, как ехали мы через свое поле: там смело бы сел и срал, покуда хотел. А теперь сам знаешь: как срать на чужой земле! Еще, не ровен час, какой черт увидит да поколотит нас обоих и лошадей отберёт. Ты потерпи маленько, как приедем к твоему тестю на двор, ты выскочи из повозки и прямо в нужник, и сери себе смело, а я тем временем лошадей выпрягу.

Сидит Лавр на повозке, дуется да крепится. Приехали в деревню и пустились к тестиному двору. У самых ворот встречает своего будущего зятя теща:

— Здравствуй, сынок, голубчик! Уж мы тебя давно ждали!

А жених, не говоря ни слова, выскочил из повозки и прямо в нужник. Тёща думала, что зять стыдится, схватила его за руку и говорит:

— Что, сынок, стыдишься? Господь с тобой, не стыдись, у нас чужих людей никаких нет, прошу покорно в избу.

Втащила его в избу и посадила за стол в переднем углу. Пришло Лавру невмоготу, начал под себя валить и насрал полные штаны, сидит на лавке, боится с места пошевелиться. Тёща-то суется: наставила перед гостями закусок, взяла штоф с вином в руки, налила и подносит первый стакан жениху. Только поднялся жених за стаканом и встал на ноги, как поплыло говно вниз по ляжкам да в голенища — пошла вонь на всю избу.

Что за причина? Почему воняет? Тёща бросается по всем углам, глядит: не ребятишки ли где напакостили? Нет, нигде не видать, подходит к гостям:

— Ах, любезные мои! У нас на дворе-то не совсем чисто; может, кто из вас ногой в говно попал, встаньте-ка, я посмотрю, не замаран ли у кого сапог.

Осмотрела старуха Грицька — ничего нет, подошла к Лавру:

— Ну-ка, зятек, ты как приехал на двор, так и побежал к нужнику; не вляпался ли ты в говно?

Стала его щупать, и только дотронулась промеж колен, всю руку выпачкала. Заругалась она на жениха:

— Что ты, с ума сошёл, что ли? Кой черт тебе сделалось! Ты, верно, не в гости приехал, а насмехаться над нами, подлая твоя душа! Ещё не пил, не ел, а за столом обосрался! Ступай же к черту, будь ему зять, а не нам!

Тотчас призвала старуха свою дочку и говорит:

— Ну, дитя мое любезное! Не благословляю тебя выходить за этого дрянного засерю, выходи за его брата — вот тебе жених!

Тут Лавра в сторону, а в передний угол посадили Грицька, начали пить, есть и прохладжаться до самого вечера. Настигла ночь, пора и спать ложиться. Старуха говорит гостям:

— Ну, ступайте с Богом спать в новой избе, а ты, доченька, снеси туда перину да постели жениху; а этому засере ничего не стели, пущай на голой лавке валяется!

Вот легли они спать: Грицько на перине, а Лавр скорчился на лавке; не спится ему, всё думает, как бы отомстить брату его насмешку. Слышит, что Грицько заснул крепко. Он встал с лавки, взял стол и тихонько перетащил его к самым дверям, а сам опять улегся на лавке. В самую полночь проснулся Грицько, встал с перины и идёт до ветру прямо к дверям; подошёл, да как ударится о стол.

— Что такое? Где же двери? — думает он.

Воротился назад, давай искать: куда ни сунется — всё стены. Куда же двери-то девались? А срать так приспичило ему, хоть умирай! Что делать? Сел у стола и насрал такую кучу, что на лопате не унесешь. Насрал и задумался:

— Дело-то неладно, надо говно до утра убрать!

Поглядел кругом и увидел в стене большую щель; как ляпнет — в щель-то не попал, а прямо в стену; говно отвалилось назад да прямо ему в рыло. Утёрся Грицько руками, забрал еще пригорш, бросил в другой раз — опять то же самое. И стены вымазал, и себя самого выпачкал. Надо умыться: стал искать воды; искал-искал и нащупал в печи чугуn с красной краской, что яйца к празднику красят; вытащил и стал умывать руки и голову: «Ну, теперь ладно будет!» Лёг Грицько спать, и только заснул, брат его взял потихоньку стол и перенёс на старое место. Стало совсем рассветать; пришла невеста жениха будить.

— Вставай, душенька, — говорит она, — уж завтрак готов.

Да как глянула на него и видит, что жених рожею на черта смахивает, испугалась и побежала вон. Прибежала к матери, а сама-то разливается.

— Что ты плачешь? — спрашивает мать.

— Как же мне не плакать? Ведь я совсем пропала: поди-ка сама посмотри, что у нас в новой-то избе делается!

— А что делается? Там жених твой с братом.

— Какой жених? Это черт, а не жених!

Пошли все трое: отец, мать и невеста в избу, где жених спал; только вошли — жених увидел их и усмехается с радости: одни зубы белеют, а лицо все синее — настоящий бес. Они выбежали вон. Старик запер избу накрепко и пошел к попу:

— Поди, батюшка, освяти у нас новую избу да выгони оттуда нечистую силу: завелась-таки проклятая!

— Как, свет, у тебя черти завелись? Да я, свет, чертей-то сам боюсь!

— Не бойся, батюшка, у меня есть кобыла: коли что случится, садись на нее верхом и уезжай; так не то что черт — птица не поймает!

— Ну, свет, так и быть, пойду выгонять нечистую силу, только чтоб кобыла была моя!

— Ваша, батюшка, ваша! — говорит мужик, а сам ему кланяется.

Поп пошёл к избе, захватил с собой дьячка и пономаря, нарядился в ризу, взял в руки кадильницу с огнём, насыпал ладаном; ходят они кругом избы и поют:

— Святый Боже!

— Ишь, — думает Грицько, — поп ходит с крестом; стану у дверей, неровно войдёт в избу, так попрошу у него благословения.

Стал у дверей и дожидается. Поп обошёл кругом избы три раза, подступил к дверям, и только отворил да сделал шаг за порог — Грицько и протянул к нему свою синюю руку. Поп как бросится назад, да на кобылу верхом, и давай стегать её по бокам кадильницею за место кнута. Кобыла помчалась во весь опор, а поп знай ее по бокам поджаривает, да как-то махнул и попал ей невзначай под хвост горячим, кобыла ещё пуще понесла, бьёт задом и передом, споткнулась и грянулась наземь; поп через нее кубарем, сломил себе голову и околел. А женихи-дурни воротились себе домой ни с чем.